

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
Kama Institute of Humanities and engineering technologies
Penza State Technological University
New Bulgarian University

SOCIETY, CULTURE, PERSONALITY IN MODERN WORLD

Materials of the XII international scientific conference
on February 16–17, 2023

Prague
2023

Society, culture, personality in modern world: materials of the XII international scientific conference on February 16–17, 2023. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2023. – 44 p. – ISBN 978-80-7526-601-9

ORGANISING COMMITTEE:

Nataliya Khristova, doctor of history, assistant professor of history and theory of culture of the department of art history and cultural history of the New Bulgarian University.

Bozhena Ivanovska, Ph.D., Dean of the Faculty of Philology, School of Tourism and Foreign Languages (Poland).

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor of the Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Victor G. Galushko, candidate of philosophical sciences, assistant professor, head of department of philosophy, cultural studies and foreign languages at St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

Natalia V. Osipova, candidate of sociological sciences, assistant professor of Penza State Technological University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines society, culture, personality in modern world. Some articles deal with evolution of society as the system. A number of articles are covered social interaction and relationships in traditional, industrial and information society. Some articles are devoted to socio-economic and socio-cultural aspects of globalization. Authors are also interested in spiritual, moral and aesthetic aspects of culture.

UDC 316.32+008+159.922

ISBN 978-80-7526-601-9

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2023.
© Group of authors, 2023.

CONTENTS

I. EVOLUTION OF SOCIETY AS THE SYSTEM: NATIONAL, REGIONAL AND GLOBAL LEVELS

Bulakh E. V., Mashtal V. V.

Deliberative resource of self-government: an analysis of Japanese practice 5

Мальцева Н. Н.

Трансформация идей русского космизма в современной культуре 9

Старжинская О. Н.

Проблемы заселения и освоения Риоплатского региона в XVI–XVII вв. .. 11

II. SOCIAL INTERACTION AND RELATIONSHIPS IN TRADITIONAL, INDUSTRIAL AND INFORMATION SOCIETY

Цинтула И.

Чтение литературного произведения как событие 16

III. THE SPIRITUAL, MORAL AND AESTHETIC ASPECTS OF CULTURE

Shumakova S. N.

Stage art: a model of reality as a semiotic system 21

Прокопенко И. Ю.

Постмодернистская тенденция в современной академической музыке
Беларуси 23

Рзаева Н. А.

Синтез западноевропейских и национальных традиций в искусстве
Азербайджана XX века 26

Романова И. И.

Русские праздники в изобразительном искусстве 31

IV. PERSONAL ROLE IN SOCIO-CULTURAL REALITY: ACTUAL AND POSSIBLE

Галстян А. Г., Саркисян А. В., Саакян А. А.

Изучение уровня ситуативной тревожности населения 36

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2023 году	39
Информация о научных журналах	41
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	42
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	43

I. EVOLUTION OF SOCIETY AS THE SYSTEM: NATIONAL, REGIONAL AND GLOBAL LEVELS

DELIBERATIVE RESOURCE OF SELF-GOVERNMENT: AN ANALYSIS OF JAPANESE PRACTICE

E. V. Bulakh

*Candidate of political sciences,
associate professor,*

V. V. Mashtal

*student,
Far Eastern Federal University,
Eastern Institute – School of Regional
and International Studies,
Vladivostok, Russia*

Summary. The material attempts to identify the key factors for consistently successful local government. Important is the legal and financial support of local self-government, but its effectiveness depends on the availability and quality of deliberative democratic mechanisms. The principle of deliberative local processes ensures the result. Deliberative decision-making on issues of local importance ensures that the interests of all participants in the conversation are taken into account and, above all, satisfies the needs of residents.

Keywords: referendum; legitimacy; self-determination.

The legal regulation of public processes in democratic countries usually provides for a whole range of different forms of direct political participation of citizens. Elections and a referendum are the main ones, but not the only ones. This trend is determined by the growth of civil law culture and education of the population, from the point of view of G. Lasswell, a democratic regime develops with the implementation of uniform education [7]. Most modern democratic states widely use the practices of deliberative democracy, involving citizens in the discussion of issues relevant to them in order to improve the quality of public administration [6]. Russian municipal law, since 1995, offers about 20 organizational forms of deliberative decision-making, and the federal list is recognized as incomplete. The legislator of the Russian Federation notes that at the local level, any other form of deliberative democracy that does not contradict federal norms and corresponds to the cultural and historical traditions of the region can be implemented. Russia does not lag behind the leading countries. The global trend towards the democratization of domestic politics has increased the demand for municipal deliberative technologies. It is at the municipal level of government that the need for complicity and collective decision on behalf of the state of all socially significant issues is most clearly manifested. The problem of effectively solving municipal problems in a consultative format may be the indifference of residents and lack of funding, this is the official position. Active citizens do not agree, they note a complex mechanism for exercising the right to

direct implementation of local self-government or its absence. The specificity of local public relations implies the mandatory disclosure of legislative norms in local regulatory legal acts, this is a historically established tradition. Somewhere, it is followed to the full, but somewhere there is not enough experience. Countries around the world are adopting good practices from each other. In the presented work, the experience of Japan is considered, which can provide answers to certain questions of local self-government. It is very important for Russian officials, experts and public figures to understand what is the main problem in the development of municipalities: inertia of the population, insufficient legal regulation on the ground and financial lack of independence, or lack of proper state support. It is possible that the problem is a different idea of the parity of the participants in the dialogue, there is no certainty whose voice is more important – an official, a deputy or a group of citizens.

In 1980, Joseph Bessette first used the term "deliberative democracy" [1]. In his opinion, this is primarily a special type of political process in which decision-making is carried out not individually, but on the basis of a collective discussion of all arguments. Researchers of deliberative democracy E. Gatmann and D. Thompson are sure that one of the brightest representatives of this direction is J. Habermas. More than any other theorist, scientists noted, Habermas is responsible for restoring the idea of deliberation in our time and giving it a more complete democratic foundation [4]. The importance and usefulness of the theory of communicative action developed by him are noted [5].

The philosophical idea from J. Cohen assumes under this democracy the interaction of a community whose activities are controlled by public deliberation – discussion among free and equal citizens. For J. Cohen, the deliberative procedure and the status of the negotiators were important. The participants are equal in the discussion itself, regardless of their distribution of "power and resources" [2]. It is the principle of equality of residents that determines the ideal municipal platform for deliberative processes. A distinctive characteristic of the municipality was self-government, including the independent formation of local authorities. Local self-government is a kind of agreement between equals living in the same territory. Etymologically, "municipality" was a social contract between municipalities, "responsible" or citizens of the city [3].

Speaking about the experience of local self-government in the Land of the Rising Sun, about the deliberative resources of municipalities in Japan, we should mention the historical features of the existing system. The legal basis for deliberative democracy was Law No. 67 on local autonomy of 04/17/1947. The growth of the political needs of the citizens of Japan ensured the launch of the process of decentralization of power relations. In 1995, the "Decentralization Promotion Act" was adopted, which further allowed for the autonomy of local territories. Local government reforms in 1999 required changes to the Law on Local Autonomy. The adopted amendments were intended to eliminate the administrative functions entrusted to local authorities and to create a Committee for the settlement of local disputes. The amendments established specificity in

the distribution of powers and financial resources, and also changed the status of neighborhood associations in the local self-government system. [nine]. Since 2006, the second stage of reforms has begun. Separate laws were adopted to support the decentralization process, including financially, but they did not cause significant changes. Various solutions have been proposed, including introducing a bank tax, reforming the tax system, adding a consumption tax and a housing tax. All this would be included in the revenues of local authorities, which would guarantee stable financial income. So far, no such changes have been introduced [11]. Compared to other high-income countries, Japan's municipal tax revenue is exceptionally low, but subsidies from the central government remain high.

Despite financial dependence, local government in Japan is recognized as one of the most exemplary. It is possible that due to the existing conditions of deliberative democracy. When addressing issues of local importance in Japan, various deliberative mechanisms are used in three main areas. The first, basic, is "chonaikai" – a neighborhood association. This is a form of organization in which several families of the same house or nearby houses are united to solve various local issues. In such a neighborhood family association, there may be several sections for more specific tasks, for example, some sections may exist for women, children or the elderly who take part in related events and other activities. Corporate membership also leads to the solution of the financial issues of the community. Collecting funds from homeowners or filing a request for their receipt in the organization relevant to the problem. The main activities carried out by Chonaikai:

- Social events, including sports;
- Help for the elderly and disabled, charity;
- Preservation of cultural heritage;
- Funeral arrangements, etc.

A functioning Chonaikai improves municipal governance through effective communication, influencing political processes by mobilizing neighbors for appeals, discussions, pickets or demonstrations [8].

The most important organizational platform is the "Council of Autonomy". The Autonomy Council is an association of neighborhood associations, a special form of organizing local residents to resolve issues of local importance. Each Autonomy Council is predominantly formed in territorial relation to the elementary school, thus forming a "school district". The practice of forming districts in the system of local self-government with reference to a socially significant object (school, Cathedral) is a fairly common phenomenon. The Council of Autonomies, unlike other entities, consists of several neighborhood associations formed around a school or other significant social infrastructure facility in a residential microdistrict. The council of autonomies includes in its composition the public organizations of the microdistrict.

With the help of the Council of Autonomies, residents can consultatively resolve a wide range of issues on their territory, for example, the following:

- Transport security;
- Minimization of consequences of natural disasters;
- Prevention of street crimes, etc.

The third instrument for the deliberation of local government democracy in Japan is the "Tokubetsu ku". Special districts are a form of primary municipalities, city-level districts: prefecture structural divisions with municipal autonomy largely comparable to other forms of municipalities.

The autonomy law today allows the creation of special districts in other prefectures, today they exist only in the Tokyo metropolitan area, which consists of 23 special districts.

Opinion of the Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan: "Without the revitalization of local communities, there will be no revival in Japan." For this reason, the question of the place and role of neighborhood associations in the local government system of Japan in the era of its widespread decentralization is of great interest [13]. Japan continues to democratize the functioning mechanisms of the represented territorial units of direct local self-government. It can be noted with certainty that, due to municipal processes, the political system of modern Japan has all the features and capabilities for a deliberized model of local self-government [10]. The positive performance of local self-government is ensured by a high degree of communication between the participants. Claims about the passivity of the population do not arise against the background of effective legal and financial regulation, albeit at the expense of targeted state subsidies. It is possible that in Russia, similar to the Japanese forms, a form of territorial public self-government could ensure the improvement of local self-government. Issues of the neighborhood community, such as public spaces, including the local area, squares and parks, children's and sports grounds, parking and dog walking areas, areas under social facilities and facilities [12] do not require direct government intervention. It is enough to ensure a parity dialogue with residents, take into account their wishes and allocate funds. Such communication does not work, the forms of participation provided for by Russian legislation are perceived as public organizations. Municipal officials are not yet ready for trusting cooperation.

Bibliography

1. Bessette J. Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? Washington, D.C., AEI Press. 1980; Bessette J. The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy & American National Government. Chicago: University of Chicago Press. 1994.
2. Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy. P. 5 .
3. Gazizov E. T. Ayupov R. F. Municipal Democracy // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2019. P. 10-11.
4. Gutmann A., Thompson D. Why Deliberative Democracy? Princeton University Press. 2004. P. 9.
5. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Fr./M., 1981.

6. Kovalchuk S. K. Formation of the model of deliberative democracy in modern political theory // Bulletin of the Moscow University. Series 21. Management (state and society). 2019. №2. P. 3-8.
7. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society / Schramm, W.ve Roberts, D. F. The Process and Effects of Mass Communication. Urbana: University of Illinois Press. 1971. P. 227.
8. Miyazaki, Masato Fiscal Sustainability And Municipal Amalgamations In Japan//Public Administration Quarterly. Randallstown: Southern Public Administration Education Foundation. 2020. №44. P. 236–261.
9. Sazonov M. A. Formation of the local government system in Japan in 1868-1946 // Power. 2011. P. 144-146.
10. Suzuki, Kohei; Ha, Hyesong Municipal Merger and Local Democracy: An Assessment of the Merger of Japanese Municipalities//Lex localis - Journal of Local Self-Government. 2018. P. 759–784.
11. Timonina I. L. Japan's New Spatial Development Strategy: Challenges of the 21st Century // Russian Japanology Review. 2021. P. 30-32.
12. Bulakh E.V., Knezeva A.R., Tsoi V.G. Neighborhood community through the prism of the Chicago School: CBT practice in urban development // Proceedings of the Oriental Institute. 2020. №2. P. 46-56.
13. Bulakh E., Viatkin N., Moiseev N. The comparative analysis of neighborhood associations in Japan and Russia //In the collection: scientific research of the SCO countries: synergy and integration. part 2. Melbourne. 2021. P. 13-17.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ РУССКОГО КОСМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. Н. Мальцева

*Кандидат философских наук,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет,
г. Белгород, Россия*

Summary. The article discusses possible ways of evolution of the earth civilization based on the transformation of the doctrine of the noosphere by V. I. Vernadsky. As the author notes, at present, the conditions necessary for the transition to the sphere of reason are not met. At the same time, completely new trends appeared, which Russian cosmologists could not even think about. First of all, this is the rapid development of technology and the creation of the information sphere based on new computer technologies. But against this background, the spiritual evolution of humanity must take place, without which the development of technology can lead to a catastrophe.

Keywords: humanity; civilization; evolution; the sphere of reason; Russian cosmism.

В современном обществе происходят кардинальные изменения, в связи с чем большую актуальность приобретает вопрос о дальнейших перспективах развития земной цивилизации. Поэтому все чаще идет обращение к различным программам и философским учениям, которые ставили и ставят сейчас подобные вопросы.

Одной из таких программ, направленных на далекое будущее является программа русского космизма, разработанная в первой половине XX века. Его главная идея «состоит в том, что эволюция носит непрерывный характер и с развитием человека выходит на уровень активной эволюции преобразования окружающего мира» [4, с. 187]. В настоящее время человек настолько активно стал преобразовывать окружающую среду, что идеи русского космизма требуют переосмысления и определенной трансформации.

Один из основоположников данного философского направления В. И. Вернадский делал акцент на формирование сферы разума (или ноосферы), под которой понимал «такого рода состояние биосферы, в котором должны проявляться разум и направляемая им работа человека, как новая небывалая на планете геологическая система» [2, с. 67]. Его соратники и последователи внесли свой вклад в идеи Вернадского, выработали различные пути достижения главной цели, тем не менее, все они «объединены общей идеей эволюционного развития человечества» [3, с. 44].

Основной вопрос заключается в том, куда должна быть направлена эта эволюция, регрессивной или прогрессивной она является и можно ли ею управлять.

Если посмотреть на условия, которые Вернадский рассматривал как необходимые условия перехода к ноосфере [6], то они не выполнены. В то же время в современном социуме происходят такие глобальные изменения, о которых русские космисты даже не могли подумать.

В первую очередь, это бурное развитие техники и создание информационной сферы на основе новых компьютерных технологий, что ведет к кардинальным изменениям социокультурной реальности практически всех людей, живущих на Земле. Создание техносферы порождает новые вызовы и риски. Поэтому не случайно Е. В. Введенская отмечает, что «идеи в философии русского космизма имеют определенную динамику развития в сторону научной концепции и технократической реальности» [1, с. 12].

При этом речь должна идти не только об угрозе ядерной войны, о чем уже много лет пишут ученые и философы, но и о том, чтобы техника не поработила человека, не нивелировала духовное в человеке, его природную сущность. Это возможно лишь в том случае, если будет совершенствоваться и сам человек, чтобы развитие техники использовать во благо. Как отмечает В. Н. Сагатовский, «при современных технических средствах человечество, ориентирующееся на максимум власти, богатства, потребления, обречено на катастрофу. Только духовная переориентация на оптимум, диалог, сотворчество с миром, самореализацию в соборном преображении бытия способна остановить это скатывание в пропасть» [5].

Таким образом, основная идея русского космизма эволюции земной цивилизации остается неизменной, но происходит ее трансформация в сторону необходимости усиления духовности и гармонизации с технократическими тенденциями современности.

Библиографический список

1. Введенская, Е.В. Утопические идеи в философии русского космизма: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский: дисс. ... канд. филос. наук / Е.В. Введенская. – М., 2007. – 155 с.
2. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетарное явление / В.И. Вернадский. – М., Наука, 1991. – 270 с.
3. Пеньков, В.Е. Русский космизм: синтез эволюционизма, креационизма и религиозно-философской антропологии / В. Е. Пеньков // Европейский журнал социальных наук. – 2013. – № 8-1(35). – С. 44-51.
4. Пеньков, В.Е. Философия русского космизма и современная исследовательская программа эволюционизма / В. Е. Пеньков // Наука и современность. – 2012. – № 15-2. – С. 187-191.
5. Сагатовский, В.Н. Антропокосмизм – системообразующий принцип ноосферного мировоззрения [Электронный ресурс] URL: https://sagatovskij.ucoz.ru/publ/antropokosmizm_sistemoobrazujushhij_princip_noosfernogo_mirovozzrenija/1-1-0-1 (дата обращения 07.02.2023)
6. Щедровицкий П.Г. Очерки о В.И. Вернадском [Электронный ресурс] URL: https://shchedrovitskiy.com/philosophy/Vernadsky_V.I.pdf?ysclid=ldtw52k2hk883136546 (дата обращения 07.02. 2023)

ПРОБЛЕМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ РИОПЛАТСКОГО РЕГИОНА В XVI–XVII ВВ.

О. Н. Старжинская

*Аспирант,
Белорусский государственный
университет,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This article is dedicated to the problem of meeting of the cultures and regional development of the Rioplatense region of Latin America in XVI–XVII centuries. Rioplatense region was developing in two ways at the same time, conducted by Jesuits and by colonists. The contradictions between these ways caused a lot of local conflicts. Also local slavery traders and dependence on the metropolis made situation unique and tangled.

Keywords: Rioplatense region; jesuit missions; bandeirantes; Paraquaria; utopian state.

Риоплатский регион значительно более обширен, чем дающий ему название эстуарий Рио-де-ла-Плата [1, с. 15]. Он включает в себя “*cuenca del Plata*” (– исп. «бассейн Платы») [4] – то есть состоит из территорий вокруг самого залива Рио-де-ла-Плата и территорий, орошаемых течением рек Парана и Уругвай и их притоками. Этот культурно-исторический регион является объектом пристальных исследований современных латиноамериканистов.

Согласно археологическим данным, в риоплатской пампе (лесостепь на юго-восток от Буэнос-Айреса) группы охотников-собирателей обитали уже 10–12 тыс. лет назад [3, р. 11]. К приходу европейцев у этих групп

имелось большое разнообразие жизненных укладов [3, р. 15]. Выяснение их самоназваний до сих является актуальной проблемой истории и антропологии.

На протяжении XVI в. контакты между завоевателями и коренным населением происходили в форме жестоких конфликтов, где стороны дрались насмерть, а воинственные местные каннибалы ещё и съедали своих врагов, как было с экспедициями де Солиса, Кабота, Мендозы и прочих [3, р. 16]. Люди Педро де Мендозы столкнулись с *чарруа* и *керанди* [3, р. 17], которые были охотниками и собирателями, не занимавшимися земледелием.

Население Буэнос-Айреса, основанного в 1536 г. с самого начала постоянно сталкивалось с проблемой голода [3, р. 21]. В поисках пропитания экспедиция Педро и Диего Мендозы столкнулась и с *тимбуэ*, которые были искусными рыболовами. Говоря о численности упомянутых групп, участники экспедиций называли цифры в несколько тысяч. Сопротивление, оказываемое местными группами коренных народов, постоянно упоминается в источниках того времени. «Войны коренных народов» остановили испанскую экспансию в определенных регионах: Чилийская Араукания, Тукуман, долины Кальчакис, Чако и даже Парагвай [6, р. 12].

Рис. 1. Крупнейшие коренные народы Риоплатского региона (обведён согласно карте М. С. Альперовича [1, с. 11].

Среди различных попыток европейцев сгруппировать и организовать коренное население Риоплатского региона были: малокас (деревня из одной-двух больших общинных хижин), редукции (поселения и территории, опекаемые миссионерами) и переселения определенных групп [3, р. 7]. Социальными акторами, осуществлявшими культурное посредничество между коренными народами и европейцами выступали касики, пленники,

миссионеры, а также переводчики и лингвисты [5, р. 25]. Закрепощение индейцев колонизаторами реализовывалось в правовом отношении в форме рекьеремьенто (требования признать власть короля и церкви) и затем энкомьенды – обязательства колонизатора заботиться о группе индейцев и наставлять их в католической вере; в реальности это был язык силы. Миссионеры, получив формальные разрешения короны и приказы главы ордена, завоёвывали доверие местных посредством проповеди, музыки, подарков, обучению полезным навыкам, передаче европейского опыта, защиты коренных народов от работорговцев и колонистов.

В XVII веке Риоплатский регион все ещё представлял собой слабо освоенное европейцами пространство, где было меньше десятка городов на протяжённости более трёх миллионов квадратных километров [2, р. 578]. Территория региона формально принадлежала испанской монархии, однако, часто реальными её хозяевами считали себя португальские работорговцы, заявлявшие: «Эта земля наша, а не короля Испании!». Учитывая такое положение дел, испанский монарх позволил начать в регионе свою миссионерскую деятельность членам Общества Иисуса, имевшим уникальные методами евангелизации. Целью метрополии было не допустить захвата территорий, которые переселенцы пока не могли освоить, колонистами других государств. Члены Общества Иисуса под патронатом испанского короля стали создавать миссионерские центры, в которых коренные народы надеялись найти защиту от тягот плантационных работ на местных колонистов, а также от бандейрантов.

Однако миссии местности Гуайра, примыкавшей к территориям португальского города Сан-Паоло, бывшего центром работорговли, стали лёгкой добычей бандейрантов, поскольку не были хорошо укреплены, не имели вооружённой охраны; единственной их защитой была общая с португальцами вера, и предполагалось, что последние не станут переступать через неё ради наживы. Однако реальность оказалась таковой, что при ограблении миссий работорговцы даже жгли храмы, построенные под руководством иезуитов новообращёнными коренными жителями, десятками тысяч забирали заведомо крещённых в рабство и совершали много других святотатственных действий, за что заочно все были преданы отлучению 22 апреля 1639 года специальной буллой папы Урбана VIII. Иезуиты приняли решение переместиться вглубь Риоплатского региона, где они и обосновались на полтора века, где стали лучше защищаться и реже подвергались атакам.

Колонисты искали взаимодействия с коренными народами ради выживания. В Риоплатском регионе проблема обеспечения колонистов продовольствием была очень серьёзной. «Не хватало ни крыс, ни мышей, ни змей, ни другой нечисти, даже обуви и кожи, все шло в пищу...». Голод доводил жителей Буэнос-Айреса до каннибализма. Вот как об этом пишет У. Шмидт, хронист экспедиции П. де Мендосы:

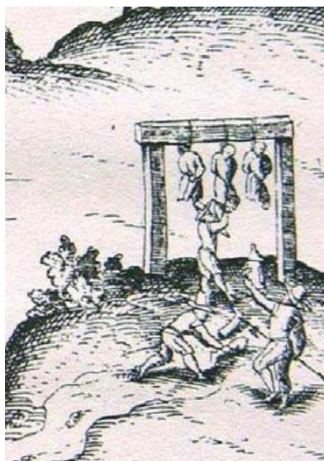

Рис. 2. Голод в Буэнос-Айресе, рис. У. Шмидта

«Случилось так, что три испанца украли лошадь и тайком съели её [...] затем был вынесен приговор, по которому трое упомянутых испанцев были осуждены и казнены через повешение [...] в ту же ночь некоторые из оставшихся испанцев срезали бёдра и куски плоти с тел, принесли в свои дома и употребили в пищу» [3, р. 21]

Без помощи местного населения колонистам было невозможно существовать. Буэнос-Айрес через некоторое время после основания вымер и пустовал до 1580 года, когда Хуан де Гарай основал его заново, на новом месте. С того времени, как там закрепилось постоянное население, в риоплатской пампе стали происходить процессы формирования пограничных территорий и сосуществования европейцев и коренных народов. Поначалу отношения между колонистами балансировали на грани войны и переговоров. Именно после второго основания Буэнос-Айреса начался процесс изучения и завоевания пространства Рио-де-ла-Платы европейцами и формирования тесных межэтнических связей.

Итак, в процессе заселения и освоения территории Риоплатского региона взаимодействие коренных народов с колонистами исходило из потребности последних в выживании, а взаимодействие коренных народов с членами Общества Иисуса было обеспечено интересами короны и помогло выжить многим местным племенам и сохранить их языки и культуру.

Библиографический список

1. Альперович, Слёзкин Альперович, М. С. История Латинской Америки: с древнейших времен до начала XX в. / М. С. Альперович, Л. Ю. Слёзкин – М. : Высшая школа, 1991. – 286 с.
2. Bonomo, M. Las poblaciones indígenas prehispánicas del río Paraná Inferior y Medio // Revista del Museo de La Plata 4(2), 2019. – P.575-610.
3. Europeos y originarios en el Rio de la Plata colonial. Modo de acceso: https://www.academia.edu/32338674/Europeos_y_originarios_en_el_Rio_de_la_Plata_colonial. – Fecha de acceso: 14.01.2022.

4. La Cuenca del Plata [Recurso eletrônico] / Comisión Mixta argentino – paraguaya del Río Paraná, COMIP. – Modo de acceso: <https://comip.org.ar/la-cuenca-del-plata/>. – Fecha de acceso: 14.01.2022.
5. Misioneros en la frontera austral del Chaco: entre el “salvajismo” y la “civilización” – 1, p.25 // Actas de las XVI Jornadas Internacionales sobre las Misiones Jesuíticas / Artur Henrique Franco Barcelos ... [et al.] ; compilado por María Laura Salinas ; Fátima Victoria Valenzuela. - 1a ed. - Resistencia : Instituto de Investigaciones Geohistóricas, 2016.
6. Roulet, F., Cultura, Los rostros de la violencia colonial en el Río de la Plata (siglos XVI-XVIII), Revista TEFROS, Vol. 17, N° 2, artículos originales, julio-diciembre 2019: 10-55.

II. SOCIAL INTERACTION AND RELATIONSHIPS IN TRADITIONAL, INDUSTRIAL AND INFORMATION SOCIETY

ЧТЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК СОБЫТИЕ

И. Цинтула

*Доктор философии, магистр,
Университет им. Матея Бела,
г. Банска Быстрица, Словакия*

Summary. This article examines the process of reading as a specific act and its impact on the person. The author discusses the idea that reading a literary work triggers an event in the reader that is highly subjective and contributes to a certain worldview. In a brief analysis, he compares an event in the real world with an event in the world of a literary work. The author concludes with a thesis on the importance of literary experience.

Keywords: literature of fiction; reading; storyline; event.

Художественная литература как вид искусства, в основе которого лежит слово в письменной форме, составляет одну из важных частей культурной и духовной жизни человека. В эстетическом плане художественная литература, как и искусство в целом, является «способом познания человеком самого себя и окружающего мира, а также средством преобразования мира и воспитания людей» [1, с. 9]. Иными словами, художественная литература способствует воспитанию личности человека по «законам красоты». Не стоит недооценивать эту отрасль воспитания, особенно у молодого поколения. Как нам напоминает В. И. Самохвалова, «эстетически воспитанный человек – это в целом другой человек, не улучшенный, не дополненный, а именно другой, поскольку имеется в виду изменение структуры души, модус восприятия мира, эстетизируется и делается целостным мировоззрение» [2, с. 286]. Приступая к моделированию художественного мира и создавая «вторую реальность», писатель может затронуть самые разные темы, довести сюжет до абсурда, заглянуть в прошлое и будущее, тем самым вызвать различные эмоции, развлечь и просветить читателя, побудить его в сюжете литературного произведения к поиску решения важнейших социальных проблем.

Однако в рамках данной статьи мы предлагаем обсудить сам процесс чтения литературного произведения как специфический акт – «событие» во внутреннем микрокосме человека, которое может интенсивно и непосредственно формировать его мнение и мировоззрение. Понимаем ли жизнь человека как цепь событий, то художественная литература, несомненно, является их важным ресурсом, поскольку с раннего детства

(например, через жанр сказки) она формирует основы черт характера. Конечно, сам по себе художественный текст в виде конкретного физического материала не может никак повлиять на человека. Как неоднократно упоминал Ю. Б. Боров, любой «текст становится произведением, если не ждет своего часа в столе писателя, не пылится на полке книжного магазина или в запаснике музея, а социально функционирует, читается публикой, обретает вокруг себя поле общественного мнения» [3, с. 78]. С момента написания (издания) каждое произведение живет своей собственной жизнью, не зависящей от автора, и ждет своего адресата.

Можно представить модельную ситуацию. Когда человек берет в руки то или иное литературное произведение, сразу начинается процесс одностороннего эстетического воздействия в направлении *произведение – читатель*, сила которого зависит от уровня компетенции читателя. В первые мгновения он сталкивается с самим названием произведения и сразу же формирует представление, основанное на предыдущем (жизненном и читательском) опыте. Не спорим с мнением М. Б. Ладыгина, что «в ряде случаев название помогает читателю правильно определить то, что, по мнению автора, является наиболее важным» [1, с. 80], но иногда первое прочтение названия может ввести в заблуждение (как в случае, например, рассказа «Семейный человек» М. А. Шолохова). При последующем прочтении произведения воспринимаемый сюжет может оказаться диаметрально противоположным ожиданиям. В таком случае чтение как «событие» в жизни человека достигает своей кульминации и оставляет неизгладимый отпечаток в памяти читателя. Полученный опыт во «второй реальности» литературного произведения легко применить в реальной жизни. Однако здесь стоит всегда иметь в виду, что любой вид искусства, художественная литература в том числе, «не повторяет жизнь (о чем говорит теория отражения), а создает особую реальность. Художественная реальность может быть параллельна истории, но она никогда не бывает ее слепком, ее копией» [3, с. 348]. В целом литература, чаще всего, даже не соответствует жизни – не отвечает на ее вопросы, живет самомнением, ей важно впечатление. Однако можно понять, что, сидя на удобном диване и погружившись в сюжет, скажем, «Войны и мира» Л. Н. Толстого, не так уж трудно об этом забыть.

Перед нами намечается вопрос, может ли «событие» в вымышленном мире литературного произведения быть настолько интенсивным, что оно заменит реальный жизненный опыт человека, полученный в настоящем мире? С рациональной точки зрения логично ответить на сформулированный таким образом вопрос отрицательно, поскольку нельзя приравнивать жизнь в реальности к «жизни» в вымышленном мире художественного произведения, о чем мы упоминали выше. Тем более для нас интересен взгляд с «другой стороны» – с точки зрения литературного персонажа, который (конечно, в рамках авторского замысла) также переживает определенные «события», описанные в литературе, в процессе ее чтения. Рус-

ская классическая литература нам предлагает такого персонажа в лице главного героя – молодого юриста – в рассказе А. П. Чехова «Пари» (1889), который написан в редком для писателя жанре сказки-притчи. Сюжет данного произведения довольно прост: богатый банкир заключает пари с молодым юристом на два миллиона, если тот добровольно просидит в заточении долгих 15 лет своей жизни. И такое пари состоится. За эти годы банкир разорился и, чтобы не отдавать деньги, к концу пари решил убить юриста. Однако перед актом убийства он читает найденное в камере письмо, которое застанет его врасплох. Дело в том, что юрист, изучив за время заключения несколько иностранных языков, прочитав произведения классической литературы и множество сочинений по истории, религии и философии, приходит к выводу, которое записал в данном письме. Текст письма следующий: «Пятнадцать лет я внимательно изучал земную жизнь. Правда, я не видел земли и людей, но в ваших книгах я пил ароматное вино, пел песни, гонялся в лесах за оленями и дикими кабанами, любил женщин... Красавицы, воздушные, как облако, созданные волшебством ваших гениальных поэтов, посещали меня ночью и шептали мне чудные сказки, от которых пьянела моя голова. В ваших книгах я взбирался на вершины Эльбруса и Монблана и видел оттуда, как по утрам восходило солнце и как по вечерам заливало оно небо, океан и горные вершины багряным золотом; я видел оттуда, как надо мной, рассекая тучи, сверкали молнии; я видел зеленые леса, поля, реки, озера, города, слышал пение сирен и игру пастушеских свирелей, осязал крылья прекрасных дьяволов, прилетавших ко мне беседовать о боге... В ваших книгах я бросался в бездонные пропасти, творил чудеса, убивал, сжигал города, проповедовал новые религии, завоевывал целые царства... Ваши книги дали мне мудрость. Всё то, что веками создавала неутомимая человеческая мысль, сдавлено в моем черепе в небольшой ком. Я знаю, что я умнее всех вас» [4, с. 234–235]. На этом основании молодой юрист принимает решение расторгнуть договор пари за несколько часов до истечения пятнадцатилетнего срока. Тем самым он продемонстрировал презрение к тому, к чему на самом деле стремятся люди – к власти и богатству, а не к истинным ценностям бытия (заодно, их определение из рассказа не вполне понятно).

Нас в данном контексте интересует другое: мог ли человек, добровольно лишенный свободы, видеть восход солнца? Да, конечно, мог, но только из окна своего помещения, ни в коем случае из вершины Эльбруса или Монблана, так же как и не мог гоняться в лесах за оленями и дикими кабанами, не выходя за пределы своей тюрьмы. Важно другое, а именно то, что посредством главного героя рассказа А. П. Чехов демонстрирует характерную особенность литературы в целом, которая заключается в предоставлении читателю возможности «переживать события» с помощью своего воображения, не выходя за пределы собственного дома. Если мы согласимся с тем, что литературный персонаж может быть зеркальным отражением реального человека, то он тоже может испытывать те же пере-

живания, что и человек от чтения литературы. Герой Чехова, как и человек в реальном мире, испытывает разного рода «эстетические события» при чтении литературы, каждое из которых также означает «событие внутренней жизни» [5], т.е. некое событие его духовно-душевной жизни, которое было бы можно назвать и эмоциональным «подключением» к ситуации в сюжете произведения. Как мы видим в отрывке вышеприведенного рассказа «Пари», на основе такого опыта из «пережитого события» сквозь чтение формируется и личность, мнение, мировоззрение главного героя и вполне возможно, что реальный человек подвергся подобному влиянию и формированию. В произведении Чехова продемонстрировано как раз такое универсальное воздействие литературы на человека, поскольку ни город, ни страна в рассказе не указаны – данная история могла произойти как в России, так и любой другой стране мира.

Помимо основной эстетической функции литературы здесь появляется другая ее не менее важная функция – когнитивная¹, т.е. с ее помощью осуществляется процесс рационального познания мира. Об этом, кстати, говорил уже Д. С. Лихачев, что художественная литература «делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми» [6, с. 99]. В этом смысле воображаемые границы между реальностью и литературой исчезают, и хотя реальный опыт конкретного события нельзя заменить, эстетический опыт можно. В эстетическом наслаждении находим перечень эмоций, которые делают нашу жизнь не только чудесной, но и осмысленной. Такие эмоции возникают в жизненных ситуациях, которые художественная литература в параллельном мире произведения предоставляет по желанию и на вкус читателя. Процесс чтения литературного произведения так становится своеобразным и специфическим событием в жизни читателя, в котором можем с помощью собственной фантазии расширять свой жизненный опыт. Правда, в наш цифровой век чтение художественной литературы (и чтение как таковое) в значительной степени находится вне основных интересов молодого поколения. Однако, как отметил А. Репонь, даже «в современном мире нет, пожалуй, человека, так или иначе не причастного к искусству художественного слова [...] среди различных видов искусства неоценима по своему влиянию художественная литература» [7, с. 7] и дополним, что не только как тексты наводящие красоту на душе, но действительно и как средство преобразования мира и воспитания людей.

¹ Когнитивную функцию понимаем как синтез двух других основных функций: воспитательной и познавательной.

Библиографический список

1. Ладыгин М. Б. Литература : новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ. – М. : Издательство АСТ, 2018. – 350 с.
2. Самохвалова В. И. Эстетические этюды : монография / Российская акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИИнтелЛ, 2013. – 548 с.
3. Борев Ю. Б. Эстетика: Учебник. – М. : Высш. шк., 2002. – 511с.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 07 (1888-1891). – М. : Издательство «Наука», 1985.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2013. – 713 с.
6. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Дет. лит., 1988. – 237 с.
7. Репонь А. Встречи с русской литературой в Армении. – Ереван : Мекнарк, 2018. – 124 с.

III. THE SPIRITUAL, MORAL AND AESTHETIC ASPECTS OF CULTURE

STAGE ART: A MODEL OF REALITY AS A SEMIOTIC SYSTEM

S. N. Shumakova

*Candidate of Art History,
Associate Professor,
Kharkov State Academy of Culture,
Kharkov, Ukraine*

Summary. The article interprets the artistic essence of stage art, which predetermines a certain duality – modeling and sign, obeying the laws of semiotic systems. Stage art in this aspect is considered in connection with such concepts as "sign". The conclusion is formulated: the plan of content and the plan of expression in the sign system of a stage work against the background of a certain aesthetic expectation become a semantically saturated meaning-bearing construct, equal to a verbal expression that receives new, additional meanings.

Keywords: artistic essence of stage art; meaningful construct; sign; semiotic system; new, additional meanings.

The artist-creator, based on his knowledge, experience, artistic consciousness and reflections, intuitively builds a model of reality, which he correlates with the depicted. From this follows the special role of models of reality that are created by the artist. This is confirmed not only by the well-known fact that in the field of art truth is revealed as direct contemplation, but also by the special role of parallelism in the comprehension of artistic models.

The artistic essence of stage art predetermines a certain duality – modeling and symbolic, which obeys the laws of semiotic systems. Stage art in this aspect is considered in connection with such concepts as "sign", respectively, it would be rational to dwell on the principles of its interpretation.

The sign is recreated by artistic means in order to convey essential information, including non-communicative goals (phenomena of the objective world, reality). The symbolic sign, evading the ideographic reproduction of the appearance of the depicted object, only conditionally, conventionally denotes it. It follows from this that there are different relations between the planes of content and expression. The sign ideographic nature is pictorial in nature, therefore, between the plane of content and the plane of expression there is a direct connection, or rather, the non-alienation of these plans. The first step towards turning the object of reality into an ideographic sign is the expansion of its semantics, when it becomes with a much greater semantic content than the obvious one. The second step is accompanied by the alienation of certain properties and equating them to the whole object, in other words, the reproduction of the object, or rather, its certain aspects, perceived as the whole object. Due to the direct connection between expression and content, sign semantics becomes reada-

ble. Thus, such a sign, on the one hand, is directly related to the content, on the other hand, it conveys individual information, which predetermines the construction of signs in a syntactic chain – a sign system. The sign behaves like a word, obeying all the laws common to units of the lexical level, without losing unconditional intelligibility in the structure of the "stage language" and acquiring the ability to convey complex information by combining it with other signs according to the laws of syntagmatics. The expression of certain content will be mediated by the very structure of the expression.

The artist-creator creates an idea of reality, imagining the surrounding reality as a structure (the nature of this idea is determined by his worldview). Signs will represent, from a structural point of view, the interpretation of a certain artistic message as a model of reality, which is directly materialized in the structure of expression, conventionally consistent with it. The sign denotes (reproduces) the content structure, in fact, acts as a direct substitute for the depicted thing. A characteristic of the nature of the sign, omitting some minor details, can be considered a meaningful interpretation of the signified. The sign and the signified are associated arbitrarily: any sign can be associated with any signified and any signified with any sign.

In the semiotic system, in the context of a stage work, signs (the unity of denoting and signified), combined according to the laws of syntagmatics with other signs, form a literary text. The signified (content) is conveyed by a symbolic modeling structure, made up of independent signs as independent meaning carriers.

Another thing is no less significant: a sign and its semantic element can be simultaneously projected onto several (or many) backgrounds, becoming in each case a carrier of different semantics, can generally merge with background information, ceasing to be a designation of content. Sign and background form a relevant pair. The sign acts at the same time as a model and an analogue of the object (objective reality, the subject of the image), no matter how abstract this model may be, which abolishes the arbitrariness of the relationship between the signifier and signified.

A significant conclusion follows from this: the plan of content and the plan of expression in the sign system of a stage work against the background of a certain aesthetic expectation become a semantically saturated meaning-bearing construct, equal to a verbal expression that receives new, additional meanings.

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ БЕЛАРУСИ

И. Ю. Прокопенко

*Студент,
Белорусская государственная
академия музыки,
г. Минск, Беларусь*

Summary. The article deals with the specific manifestations of postmodernism in the academic music of Belarus of the last decade. A number of musical indicators are presented on the basis of the presence of a postmodernist tendency. A special function of the postmodern tendency is revealed as a means of updating and resuming the involvement of Belarusian music in the context of world art.

Keywords: academic music; Belarusian art; postmodernism.

Современная академическая музыка Беларуси находится в отношении прямой преемственности к советской белорусской музыке, возникшей в первой половине XX века на основе фундамента национальной культуры. Опираясь на общемузыкальную традицию Беларуси, академическое искусство, в своих характерных принципах и проявлениях национальной специфики, обоснованно может считаться вместе с тем и органичной частью общего процесса эволюции белорусской музыкальной культуры, в которой, исходя из исследований белорусских музыковедов, можно проследить и проанализировать последовательное проявление всех основных эпохальных стилей, начиная с эпохи Средневековья. Однако замедление процесса усвоения общемировых культурных тенденций в XIX веке и его искусственное ограничение в XX веке, обусловленные геополитическим фактором, сказались на трудностях рассмотрения современного академического искусства Беларуси в контексте мирового искусства. В соответствии с традицией, оформившейся ещё в СССР, достаточно часто встречается определение академической белорусской музыки вне зависимости от процессов, происходящих в европейской академической культуре, в русле которой она сформировалась и развивалась все предшествующие столетия. При этом не придаётся должного значения влиянию, оказанному на формирование композиторской школы национальной культурной традиции, и связи, существующей между советской и европейской музыкой во второй половине прошлого века. После изменений в государственной идеологии современное академическое искусство Беларуси оказалось в своеобразном вакууме, не будучи соотнесённым с системой мировой культурной эволюции, а вместе с тем так и не получив окончательно сформулированной теории обоснованности своего независимого положения.

К наиболее существенным исследованиям, целью которых является стремление рассмотреть белорусскую академическую музыку в общеевропейском пространстве, возможно отнести работы Н. Мацаберидзе, посвящённые анализу специфического проявления модерна в творчестве бело-

русских композиторов XX века и статью С. Зориной, в которой белорусская музыка 1990-х годов рассматривается с точки зрения влияния на неё постмодернизма. Однако до сих пор не было исследовано проявление мировых культурных тенденций в современном творчестве белорусских композиторов. В данной статье будет дан краткий сравнительный обзор постмодернистской тенденции в академической музыке Беларуси последнего десятилетия в контексте наиболее существенных его проявлений в конце прошлого века.

Концепция постмодернизма по-прежнему остаётся одной из наиболее популярных интерпретаций современного искусства. Она включает в себя как систему мышления современного человека, так и целый комплекс стилей, направлений и тенденций. С. Зориной были выделены характерные для белорусской музыки, помимо общих, признаки проявления постмодернизма: «символичность высказывания, интертекстуальность, театрализация искусства, жанрово-стилевой синтез, ретроспективность художественного сознания». В одних своих проявлениях в новом веке постмодернистская тенденция значительно утвердилась, в других ослабла, отступая перед новыми веяниями исторического времени.

В первую очередь, следует выделить сохранившуюся характерную черту белорусской музыки, являющуюся вместе с тем сущностной и для постмодернизма – многовекторность, сосуществование различных стилей, тенденций и приёмов (зачастую в творчестве одного композитора). Популярными остаются авангардные техники, используемые крайне умеренно и в подавляющем большинстве случаев концептуально в рамках содержания. Сохраняется положение неоромантизма, и, несмотря на то, что его присутствие в общем числе созданных произведений сократилось, он, наряду с авангардной тенденцией, остаётся ведущим направлением. В творчестве отдельных композиторов встречается стилизация как приём и, реже, прямое цитирование. Музыкальный символизм получает сложное воплощение – формально декларируемое содержание произведения в программном заголовке лишь косвенно отражает основной семантический посыл, реализуемый с помощью всех доступных средств музыкальной выразительности. Прямые отсылки в музыкальном тексте к конкретным композиторам чаще заменяются на использование характерных приёмов стиля или жанра. Лирико-психологический дух белорусской музыки сохраняется, но вместе с тем, между автором и разворачивающимся музыкальным содержанием в современных композициях сохраняется дистанция, эмоциональная теплота остаётся сдержанной и почти никогда не переходит в яркие выражения чувств.

Значительно влиятельнее, в сравнении с началом века, проявляется тенденция глобализации. Белорусские композиторы свободно и активно используют в своем творчестве характерные образы и тематизм иных национальных культур, чаще обращаются к общечеловеческому фонду культурного наследия. Повышена роль образных отсылок к западноевро-

пейской традиции и использование английского языка в тексте, снижена частота обращения к русским классикам и темам советского прошлого, которые, кажется, оказались дискредитированы диктатом соцреализма в XX веке. Совершенно неожиданным стало резкое сокращение национальной тематики, ранее составляющей основу белорусской академической музыки. Использование фольклора в крупных или наиболее значимых композициях встречается фрагментарно, либо же в рамках определённых жанров. Частично его функция перешла к произведениям, написанным для национальных инструментов. Не встречаются обращения к историческим сюжетам, образам национально-исторических деятелей, как это было ранее. Тем не менее, категория национального продолжает имплицитно присутствовать в абсолютном большинстве белорусских произведений, принимая менее явную форму, и выражается воплощением в музыке характерной ментальности, проявлениями музыкальной традиции, выборочностью использования музыкальных приёмов.

Влияние постмодернизма в белорусской музыке особенно заметно в философско-эстетической концепциях и воззрениях авторов, в некотором роде противостоящих сложившейся в белорусской музыке традиционной линии музыкального мышления. Если второе – это устремлённость к опоре на национальную традицию при непреложном понимании исторического контекста формирования белорусской музыки, то постмодернистская тенденция выражает себя в попытке создания современной по звучанию и наполнению композиции и пользуется для этих целей средствами из мирового фонда академического искусства. Например, такими, как: многоуровневая стилизация; придание актуального звучания произведению посредством использования популярных мелодических ходов, гармоний; формирование современного посыла через обращение к востребованным в постмодернистской парадигме образов, то есть применение всех тех выразительных приёмов, которых не было в белорусской академической музыке ранее, и что приближает композиции к определённому стандарту, призванному быть доступным в равной степени представителям всех культурных традиций, опирающихся на европейскую академическую культуру.

Исходя из вышеизложенного, можно свидетельствовать о длящемся присутствии постмодернизма в белорусской академической музыке, не исчерпавшего ещё свои возможности, а также попытаться определить постмодернистскую тенденцию как средство воплощения сразу нескольких задач национальной культуры: обновление сложившейся традиции, привнесение новизны, и, основную – сближение национальной академической культуры с общемировым искусством, возобновление включённости белорусской музыки в мировой контекст.

Библиографический список

1. Антоневиц В.А. О национальном самоопределении композиторской культуры Беларуси // «Весці» БДАМ. – Минск, 2001. – С.13-18.

2. Зорина С.А. Образный мир Белорусской музыки 1990-х годов сквозь призму пост-модернизма // «Весці» БДАМ. – Минск, 2009. – С.84-94.
3. Мацаберидзе Н.В Музыкальный модерн: трактовка понятия в реалиях современности // «Весці» БДАМ. – Минск, 2019. – С.46-68.

СИНТЕЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИСКУССТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНА XX ВЕКА

Н. А. Рзаева

*Диссертант,
Азербайджанская государственной
академии художеств,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. The article deals with the synthesis of Western European and national traditions in the Azerbaijani fine arts at the end of the 20th century. During this period, due to the fall of the communist ideology, there is an “entry” of European trends into the fine arts of Azerbaijan and their synthesis with local artistic traditions in national artistic thinking.

Thus, among the artists who tried to synthesize such Western artistic trends with a national context, one should note Gennady Brizhatyuk, Mirjavad Mirjavadov, Altai Sadigzadeh, Tofik Agababayev, Rasim Babayev, Kamal Ahmad, Elchin Mammadov, Sanan Gurbanov, Faik Aghayev, Farhad Khalilov, Mais Aghabayov, Mirnadir Zeynalov, Nazim Mammadov, Toghrul Narimanbayov, Chingiz Farzaliyev, Vagif Ujatai, Arif Aleskerov, Arif Aziz, Omar Eldarov, Tokay Mammadov, Khanlar Ahmadov, Fazil Najafov, Natik Aliyev, Fuad Salayev and others.

Keywords: XX century; Azerbaijan; fine arts; Western Europe; national traditions; synthesis.

Конец XX века характеризуется приходом достаточно известных в области изобразительного искусства своим творчеством мастеров кисти и резца, молодых людей, которые внесли художественное видение в произведения содержащие западноевропейские и национальные традиции. Большинство из этих художников, как и представители старшего поколения, получили образование в избранных высших учебных заведениях СССР, а некоторые из них в школах с художественным уклоном в Баку. В этот период, наблюдаются изменения в культурной и политической жизни, в связи с началом движения «Перестройки» происходит устранение цензуры, а в связи с падением коммунистической идеологии «включение» европейских тенденций в изобразительное искусство Азербайджана и их синтез с местными художественными традициями в национальном художественном мышлении. В то же время, в этот период, в изобразительном искусстве после отказа от художественного метода «социалистического реализма» в области живописи, графики и скульптуры отчетливо проявляется тенденция «возвращения к национальным корням» и «приобщения к мировым художественным ценностям».

Азербайджанские художники стараются применять в своём творчестве новые методы и стили выражения экспериментируя с различным за-

падными художественными тенденциями. Обращаясь к импрессионизму, экспрессионизму, кубизму, фовизму, сюрреализму и абстрактным методам пытаются визуализировать национальные темы, внутренний и внешний мир. Свобода творчества, царящая в искусстве, способствует к применению новых форм выражения, позволяя художникам использовать темы и изобразительные приёмы, которые в недавнем прошлом были «запрещены». Творчество художников, отображающее внутренний и внешний мир, их стремление к универсальному – увеличивает усилие по обретению навыков передачи особенностей художественного языка привычного и воспринимаемого западным миром. Они отражают тенденцию интернационализации современного азербайджанского изобразительного искусства. Таким образом, среди художников пытавшихся синтезировать подобные западные художественные тенденции с национальным контекстом следует отметить Геннадия Брижатюка, Мирджавада Мирджавадова, Алтая Садыгзаде, Тофика Агабабаева, Расима Бабаева, Кямала Ахмеда, Эльчина Мамедова, Сянана Гурбанова, Фаика Агаева, Фархада Халилова, Маиса Агабекова, Мирнадира Зейналова, Назима Мамедова, Тогрула Нариманбекова, Чингиза Фарзалиева, Вагифа Уджатай, Арифа Алескерова, Арифа Азиза, Омара Эльдарова, Токая Мамедова, Ханлара Ахмедова, Фазиля Наджафова, Натика Алиева, Фуада Салаева и др.

«В 1980-х и 1990-х годах азербайджанских художников больше интересовали эксперименты в различных стилях старого и нового искусства. В созданных произведениях чувствуются цитаты, заимствованные из искусства разных стилей и эпох. Здесь могло быть два совершенно разных полюса, например, Ренессанс и Экспрессионизм, или восточная миниатюра и абстракционизм. (Эльчин Асланов, Сянан Гурбанов, Уджал Хагвердиев). Подражание и эклектика, приёмы примитивизма часто используются в творчестве таких художников, как Расим Бабаев, Фикрет Гашимов, Эльдар Гурбанов, Назим Рахманов, Мирнадир Зейналов и др. Стилль примитивизма – гротеск, деформация форм, резкие цветовые контрасты – все эти признаки позволяют зрителю словно соприкоснуться с далёким прошлым и первобытной магией» [1, с. 64].

Расим Бабаев, создав синтез западных и восточных традиций в художественном решении своих произведений, относится к числу художников, стремящихся через символику цвета добиться убедительного и заставляющего задуматься художественного изложения своих идей. Это можно наблюдать в таких его произведениях, как «Печаль» (1983), «Сон» (1983), «Воин» (1983), «Тотем. Волчица» (1992), «Адам и Ева» (1996.)

В работах Мирджавада Мирджавадова «Мафиози» (1984), «Гимн веков» (1984), «Ямщик» (1985), «Женщина» (1986), «Жажда» (1986), «Восточный мотив» (1988) и др. мы видим, что ему удалось добиться удачного синтеза национальных традиций и авангардных течений. В этих работах очень объективно показано отношение к нашему полному контрастов ми-

ру. Именно по этой причине такие работы выделяются скорее всего эффективностью, заставляющей задуматься, чем своей привлекательностью.

Можно особо отметить произведения Геннадия Брижатюка, в 1980-х годах отражающие западные художественные традиции «Дома с красными крышами», «Абстрактная композиция» и др. *«В коллажах, своими абстрактными композициями с ярко выраженной эстетикой кубизма, несущей больше содержательно-смысловой характер в их таинственной «подложке» молодой художник, словно бросал вызов московским «реалистам». На самом деле в этих абстрактных композициях, которым автор так же любил придавать «скрытый смысл» ощущается авторский диалог, берущий начало из контрастного «сборника мыслей»* [3, с. 52–53]. В произведении художника «Дома с красными крышами» отчётливо чувствуется влияние направления кубизм. Как по цветовому решению, так и по композиционному построению ощущается, что художник выполнил это произведение близкой к творческой манере кубистов, именно это является явным свидетельством того, что он опирался на западноевропейские художественные традиции.

Есть так же портретные работы Геннадия Брижатюка, воплощающие художественные традиции западноевропейского и американского искусства, отличающиеся простотой композиционного построения. В этом смысле можно отметить работы художника «Материнство» (1980) и «Мона Лиза» (1988).

В конце XX века, особенно в 90-е годы, наряду с представителями изобразительного искусства старшего поколения, было так же не мало представителей среднего и молодого поколения, желавших внести новый дух в наше национальное искусство живописи. Одним из них был Кямал Ахмед. В художественном анализе творчества Кямала Ахмеда близкого к вышеперечисленным художникам, в относящихся к начальному этапу его творчества произведениях если и были сильные моменты напоминающие работы некоторых западных художников, следует отметить так же, что его творчество, совпавшее с концом XX века ещё более обогатилось. В этом смысле следует отметить такие работы Кямала Ахмеда, как «Семья» (1987), «Покровительница луны» (1993), «В мастерской художника» (1993) и др. В этих произведениях можно заметить намёки на художественное мироощущение, берущие начало из прогрессивной мировой живописи.

Следует отметить, что художники как Гайюра Юнуса, Эльчина Асланова, Арифа Гусейнова, Сару Манафову, Мирджавада Мирджавадова, Асифа Азерелли и другие обратившиеся в своём творчестве к национальным традициям, особенно извлекли пользу из азербайджанской миниатюрной живописи средневековья и попытались применить этот стиль в новой форме в своих произведениях. Помимо реалистичных живописных традиций, большую роль в творчестве выше перечисленных художников играют декоративное чутьё, национальная тематика, образное выражение идей, обращение к национальным и историческим ценностям.

«Главным признаком мировоззрения в азербайджанском искусстве всегда было обращение к национальным и культурным ценностям. Если вспомнить историю советского изобразительного искусства 30-60-х годов XX века, когда индивидуальность была едина, то мы можем увидеть, что эта попытка «самосознания», стремление «узнать свою родословную», стремление быть «другим» было не только не желательно, но порой и опасно. Интерес к национальным традициям проявился в возрождении искусства миниатюры и каллиграфии, а также в использовании фольклорных элементов и национальных символов непосредственно в сюжет и художественную структуру композиций» [1, с. 65].

Становление азербайджанской станковой графики, совпавшее с 1980 годами, отличается разнообразием тем и жанров. Неся бремя своего развития после военной экспансии, Марал Рахманзаде, Джамиль Муфидзаде, Огтай Садыхзаде, Бяим Гаджиева, Юсиф Гусейнов, Алтай Гаджиев, Назим Бабаев, Эльчин Асланов, Ариф Гусейнов, Адиль Рустамов, Ариф Алескеров, Расул Гусейнов, Фахраддин Маммадалиев и др. началом своего творчества определили обновление во всех смыслах этого слова.

Хотя Эльмира Шахтаhtинская, представительница старшего поколения, больше известна в азербайджанском изобразительном искусстве в области плаката, у неё есть и работы станковой графики, интересные по смыслу, содержанию и форме. В творчестве художницы, относящимся к 1980-м годам, особое значение занимают пейзажи. В этом смысле такие произведения как, «В старом Шагане» (1980), «Инжир» и «Осень» (1980) отличаются своей красочностью и простотой. На этих графических работах, выполненных в смешанной технике изображен типичный образ пейзажей Азербайджана, а особенно Абшера.

В 80-е годы Марал Рахманзаде пришлось вернуться к темам, которые она затрагивала на протяжении всего своего творчества в серии своих работ. Несомненно, это связано, прежде всего, с её открытием нового источника красоты в этих сюжетах. Признаки авторского почерка, ставшим её «узнаваемым знаком», можно увидеть в художественном решении графических работ «Хозяйки полей» (1985) и «Время отдыха» (1985), которые были выполнены в технике линогравюры.

Во многих произведениях Арифа Гусейнова, особенно в его картинах с фольклорными мотивами, Баку естественно выделяется не реальным архитектурным образом, а сохранением общей формы и крайней поэтичностью. То есть главная цель художника здесь не в том, чтобы создать историко-документальный образ Баку, а в том, чтобы создать аналогичную опору для своих картин с поэтическим настроением и глубже связать каждого со своим прошлым и национальным самосознанием. В этом смысле можно вспомнить произведения Арифа Гусейнова «Продавец воды» (1982) и «Баку и бакинцы» (1985).

Хотя число тех, кто создавал основной фундамент нашей скульптуры в 1990-е годы, было довольно велико, среди них было не так много тех, кто

сочетал в своём творчестве традиции и современность. В этом смысле особенно привлекает внимание такие произведения как «Студент» Машти Рустамова, «Лето» Раджаба Рустамова, «Женский портрет» Ахмеда Салика, «Материнство» Гусейна Хагвердиева, «Юность» Намика Дадашева, «Каспийский рыбак» Зейналабдина Искендерова (все 1980-е г.г.), «Плантаторы» Акифа Аскерова (1980), «Поцелуй» Эльмиры Гусейновой (1982), «Победа» Закира Ахмедова (1984), «Дождь» (1985), «Двое» Теймура Рустамова (1985), «Чапчи Салех» Агагусейна Гусейнова (1985), «Поэт» Закира Мехтиева (1987), «Портрет Г.З.Тагиева» Теймура Рустамова и Ахмеда Бадалова (1989), «Хан Чобан» Наримана Мамедова (1989).

Ощущение современности в произведениях выше названных авторов прежде всего проявляется в новом и своеобразном отношении к традиционным темам. Выражение новых возможностей потенциала пластики определило уникальность этих произведений.

Деятельность выдающегося мастера своего дела Омара Эльдарова в 1980-е годы, как и в предыдущие периоды, была достаточно продуктивной. Это подтверждают созданные им произведения как в стиле монументальной, так и станковой скульптуры. В этом смысле стоит упомянуть произведения станковой скульптуры, созданные им в конце XX века, особенно в 1980-е годы, такие как «Дирижёр Ниязи» (1984), «Портрет Гейдара Алиева» (1986), «Махатма Ганди» (1987), «Рабиндранат Тагор» (1987). В каждой своей работе скульптор, сумел направить широкие выразительные возможности пластики на раскрытие художественно-психологического потенциала композиций и тем самым добиться образности, продемонстрировать, что ему удалось достичь тех достоинств, которые были описаны ранее.

Творчество молодых мастеров-скульпторов 80-х годов, обучавшихся в разных городах СССР и вернувшихся в Азербайджан, было богато и разнообразно интересными поисками форм. В этом смысле можно назвать такие произведения, как «Ашыг Гусейн Сараджлы» Фархада Гейдарова, «Газель» и «Строительный батальон» Ахмеда Бадалова, «Ликвидация неграмотности» Натика Алиева, «Скульптор» Агагусейна Гусейнова, «Пастухи» Муслима Раджабова, «Молодость» Шихали Тахмазова, «Восточное трио» и «Портрет нефтяника» Муслима Эльдарова.

В итоге отметим, что одной из уникальных особенностей современного азербайджанского изобразительного искусства является то, что представители разных возрастных поколений, работающих в этой области, иногда использовали древние национальные художественные традиции или художественные стили, существовавшие в Западной Европе в конце XIX и начале XX века в своих творениях, пользуясь влиянием течений, они создавали произведения в новых и разных формах. Следует особо отметить то, что, в отличие от советского периода, содержание и форма нашего современного изобразительного искусства есть результат воображения каждого человека, что обуславливает иную подачу создаваемых произведений. Однако подчеркнём так же, что, не смотря на то, что художники без идео-

логической зависимости могут обращаться к любой теме, этот тип работ напрямую сочетает в себе традицию и современность.

Библиографический список

1. Ахундзаде Л., «Мировое изобразительное искусство XX века» / Л.Ахундзаде. – Баку: Азернашр, - 2011. – 224 стр.
2. Эфендиев Р., «Искусство Азербайджана» / Р.Эфендиев. – Баку: Шарг-Гарб. – 2007. – 160стр.+112стр. (иллюстр.)
3. Алиев З., «Геннадий Брижатюк и его мир моральных ценностей» / З.Алиев. – Баку: Туна, - 2019. – 180 стр.
4. Алиев З., «Этап развития азербайджанской скульптуры XX века» / З.Алиев. – Баку: Наука и образование, -2016. – 190 стр.
5. Ибрагимов Т.И., «Теория изобразительного искусства» / Т.Ибрагимов. – Баку: Экопринт, - 2017. – 104 стр.

РУССКИЕ ПРАЗДНИКИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

И. И. Романова

*Преподаватель
Детская школа искусств,
п. Пеледуй, Ленский район,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. The article examines the creativity of Russian artists in the reflection of festive folk traditions. The necessity of preserving the traditions of Russia is demonstrated. It is noted that the paintings of Russian artists are an example in the study of folk holidays.

Keywords: Russian holidays; fine art; people; Russia; tradition.

На протяжении многовековой истории сформировались традиции и обычаи, праздники и обряды, другие элементы русской православной культуры, неразрывно связанные с трудом, бытом и образом жизни народа. В течение длительного исторического периода они дополнялись и модифицировались, изменяли свои функции, содержание и способы выражения, но неизменной оставалась необходимость у людей устраивать дни отдыха и праздничные дни.

Обращение к духовным ценностям русской культуры достаточно актуально в современном обществе. Что отражено в указе президента от 09.11.22 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Обряд, традиция, обычай являются отличительной чертой отдельно взятого народа. В них отражаются все основные социально-идеологические стороны жизни. Они являются могучим средством национального воспитания и сплочения народа в единое целое [2].

Общество ища опоры в период социальной неопределенности вновь обращается к своим истокам, при этом осмысливая историческое наследие и его важность в быстро меняющемся мире [1].

Праздник является крупнейшей формой культуры, вершиной досуговой «лестницы», если под её ступенями понимать формы сменяющей друг друга досуговой деятельности человека, начиная от отдыха и развлечений, просвещения, творчества, созерцания и заканчивая праздником как «систематической и завершающей формой досуга».

Православные праздники – это «дни, посвященные церковному прославлению самых значительных с точки зрения православия религиозных событий или чествованию наиболее чтимых православием персон. Эти праздники по объекту прославления подразделяются на господни, богородичные и в честь святых, по торжественности – на великие, средние и малые» [3].

Одним из существенных и интересных элементов духовной культуры русских являются православные праздники – важная составная часть христианского культа. Праздничный календарь русских не оставался неизменным на протяжении веков: каждая историческая эпоха накладывала на него свой отпечаток, внося в праздничный быт народа что-то новое, дополняя его.

Церковные праздники почти в каждом приходе имели свой специфический «облик». В одних селах самыми чтимыми могли быть Пасха и Рождество Христово, в других – Троица, в третьих более чем любой двенадесятый праздник почитался местный престольный праздник, в четвертых воскресенья отмечались более торжественно, чем двенадцатые и престольные праздники; в некоторых приходах не работали и ходили друг к другу в гости в «Сороки», в дни Алексея человека Божьего, Кузьмы и Демьяна, архангела Гавриила и т. д. Церковные корреспонденты отмечали, что нередко крестьяне особо почитают таких святых, которым в церкви не полагается отдельная служба [5].

Натюрморт – один из жанров изобразительного искусства, главным образом в живописи. В натюрморте по большей степени изображают только утилитарные вещи, неодушевленные предметы. Это могут быть разного рода пища, посуда, книги, статуэтки и т.д. Все живое, естественное, природного характера в натюрморте становится неодушевленным, мертвым и приравнивается к вещам.

Большой интерес у детей вызывает Масленица. Старшие дети бывают участниками приготовления блинов (льют тесто на сковороду, поливают блины маслом), учатся приветливости и гостеприимству – угощают друзей, соседей, родственников блинами, ходят друг к другу в гости. А как вкусны блины, приготовленные вместе с бабушкой или мамой! В детском саду хвалятся друг перед другом – чья мама вкусней блины испекла. Появляется чувство гордости за своих близких [3].

Таким образом, календарные и православные (престольные) праздники тесным образом связаны со всем укладом жизни на Руси. Они привлекали людей не только своим магическо-утилитарным назначением, но и зрелищностью, интересом к определенному сюжетному ходу и, конечно, желанием повеселиться.

Религиозная живопись была воспринята русскими художниками в том виде, в котором она существовала в Европе еще в XVI веке. Именно тогда, как результат гуманистического мировоззрения, Священное Писание было объявлено историческим источником. И если раньше художники, обращаясь к библейским темам, пытались в силу своей культуры, веры, а, главное, воцерковленности, раскрыть, хоть и безуспешно, божественный смысл избранного сюжета, то теперь ситуация меняется. Широкий доступ к священным книгам позволил художнику использовать избранный им фрагмент в своих целях. Он наполнял его своими собственными идеями и представлениями, утверждая свои мировоззренческие взгляды и установки.

Художники пишущие картины на исторические темы были очень внимательны к мелочам в нарядах и предметах. Их интересовали даже швы на одежде и именно они были главными клиентами тогдашних антикваров.

Художники изображали масленицу в жанре натюрморт, так Анна Черкашина в картине «Масленица». Она адресует зрителя к третьему смысловому аспекту праздника – поминанию ушедших в мир иной предков, прощение обид, которые в течение года члены семьи, родные и знакомые, соседи вольно или невольно причиняли друг другу. Блины как главный элемент масленичного стола на картине Черкашиной особенно точно отражают древнеславянскую поминальную суть праздника. Картина написана в спокойных, однотонных тонах.

Рис. 1. Анна Черкашина «Масленица»

На картине Валентины Панкратьевой. «Кружевая масленица» изображен праздничный стол. Неспроста картина называется именно «Кружевая масленица» – по всей картине, как белым снегом рассыпалось кружево. На столе изображено все то, что связано с праздником: самовар, заварочный чайник, и угощения. На заднем плане видны люди, празднующие Масленицу, они смотрятся очень контрастно и ярко по сравнению с работой. Вся работа выполнена в белых и очень светлых тонах.

Рис. 2. Валентина Панкратьева «Кружевая Масленица»

Так же Владимир. Багров в своей картине «Блины» раскрывает праздник масленица в жанре натюрморт. В отличие от предыдущей картины, работа Багрова очень яркая и контрастная. На первом плане изображены блины и бидоны с молоком, висят сушки. На фоне изображены платки с русским растительным орнаментом. Вся картина выполнена в очень ярких, контрастных тонах. Преобладающие цвета – красный и зеленый.

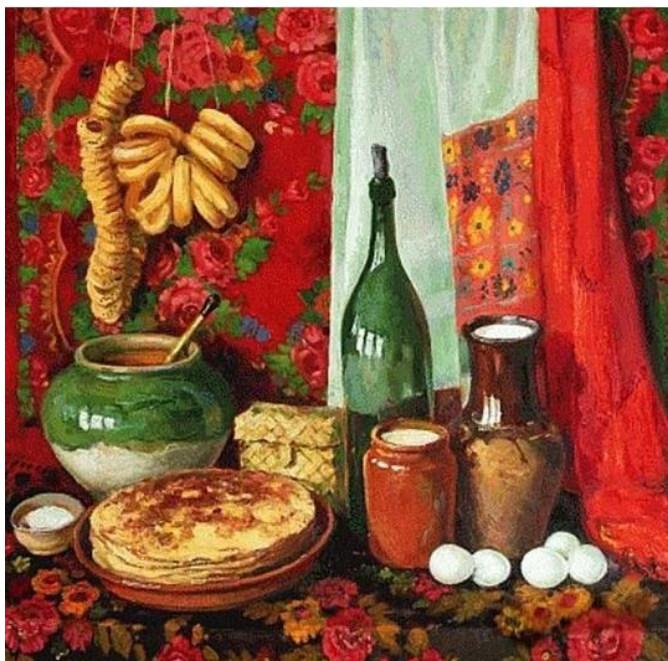

Рис. 3. Виктор Багров «Блины»

Таким образом, к теме празднования Масленицы и масленичных гуляний обращались многие русские художники, среди которых, П. Грузинский, К. Маковский Ф. Сычков, К. Крыжановской и др. Но самые известные, самые удачные и точно передающие настроение праздника картины принадлежат перу Бориса Кустодиева, которому принадлежит как минимум 3 картины с названием «Масленица» и множество зарисовок и этюдов этого праздника.

Библиографический список

1. Березовская С.Д., Кравченко С.Н. Натюрморт в гобелен на тему «Масленица». В сборнике: Художественное пространство XXI века: проблемы и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. редактор М.М. Новикова. Нижневартовск, 2021. С. 97-101.
2. Васильева Е.А. Этические традиции духовной жизни русских. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 145-летию со дня рождения профессора Бруно Фридриховича Адлера, 125-летию со дня рождения профессора Николая Иосифовича Воробьева, памяти профессора Евгения Прокопьевича Бусыгина. 2019. С. 39-43.
3. Опарина Н.А. и др. Воспитательное значение семейных праздников. Проблемы современного образования. 2018. № 4. С. 172-180.
4. Подшивалова Е.О. Отражение традиций народных праздников в русской живописи. Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. № 1 (23). С. 94-98.
5. Розов А.Н. Народный православный праздник и православие. Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 122-132.

IV. PERSONAL ROLE IN SOCIO-CULTURAL REALITY: ACTUAL AND POSSIBLE

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

А. Г. Галстян
А. В. Саркисян
А. А. Саакян

*Доктор биологических наук,
соискатели,
Арцахский научный центр,
г. Степанакерт, Нагорный Карабах,
Армения*

Summary. Situational anxiety (SA) is a life-threatening condition. We conducted a study of SA among the population. The results allow to judge the adaptive person's capabilities that is able to independently make decisions in difficult situations and realize the cause of anxiety.

Keywords: situational anxiety; Spielberger's process model; maladaptation.

По данным литературы [1, 2, 3] ситуативная тревожность (СТ) – актуальное переживание психоэмоционального дискомфорта, которое характеризуется состоянием личности в определенный момент времени и связана с внешними факторами, обуславливающими “витальную” или социальную угрозу.

Цель работы: выявить уровень СТ в различных возрастно-половых группах населения.

Материалы и методы. Комплексной оценка СТ проводилась по методике Спилберга (адаптированный опросник для армянской популяции) у 180 жителей Нагорного Карабаха (90 мужчин и 90 женщин) в возрасте 18-60 лет. Статистическая обработка полученных результатов исследования проводилась по t-критерию Стьюдента.

Результаты. Полученные нами результаты исследования СТ приведены на рисунке. Наряду с умеренным (50 %), установлены также высокий (43.3 %) и низкий (6.7 %) уровни СТ.

Установлено превалирование умеренной СТ среди населения в целом, за исключением групп девушек и женщин второго зрелого возраста (таблица).

Таблица

Уровень СТ различных групп населения

Группы	Уровень СТ, %		
	Низкий	Умеренный	Высокий
Юноши	20.0	46.7	33.3
М, 1-ая зрелая	6.7	73.3	20.0
М,2 -ая зрелая	3.4	53.3	43.3
Девушки	6.7	40.0	53.3
Ж, 1-ая зрелая	3.4	53.3	43.3
Ж,2 -ая зрелая	0	33.3	66.7

Спилбергер отмечает непатологический характер, соответствующий “норме” данного вида тревожности и подчеркивает мобилизующую функцию ситуативной тревожности, повышающей уровень ответственности и осознанности по отношению к тревожной ситуации. Автор указывает, что не нормой будет снижение уровня СТ в момент, когда необходима мобилизация и серьезное отношение к ситуации, человек демонстрирует безразличие и безответственное отношение. В случае повышения уровня реактивной тревоги необходимо проводить медикаментозную коррекцию.

Закключение.

СТ является ответом на изменения обстоятельств, которые расцениваются субъектом как стрессовые. Когда раздражающий фактор иссякает, состояние индивида нормализуется. СТ могут провоцировать самые разные причины: сложная политическая и экономическая ситуация, природные катаклизмы, негативные новости, проблемы в семье и на работе, собственный багаж неудачного опыта, страхи [1, 2, 3].

В данном случае мы можем говорить о хороших адаптивных возможностях населения, способного самостоятельно принимать решения в сложных ситуациях и осознать причину своей тревоги.

Библиографический список

1. Звенигородская М. А. Тревожность в современном обществе: определение, значение и влияние данного феномена на поведение людей. Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 256-258.
2. Кравцова А.Г., Иванова М.Д. Актуальность тревожности в юношеском возрасте при обучении в медицинском вузе. Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 3. С. 102-106.
3. Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика. Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. №6(17). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 22.02.2019 г.).

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2023 ГОДУ**

Дата	Название
3 марта 2023 г.	Вопросы науки в современном мире
15–16 марта 2023 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2023 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2023 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
15–16 марта 2023 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2023 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2023 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2023 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2023 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2023 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и гуманитарных наук
22–23 апреля 2023 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2023 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2023 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2023 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2023 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
15–16 мая 2023 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2023 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2023 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2023 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
3 июня 2023 г.	Вопросы науки в современном мире
9–10 сентября 2023 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2023 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2023 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2023 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2023 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
5 октября 2023 г.	Вопросы науки в современном мире
13–14 октября 2023 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях

15–16 октября 2023 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2023 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
25–26 октября 2023 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2023 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2023 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
7–8 ноября 2023 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2023 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2023 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2023 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
28 ноября 2023 г.	Вопросы науки в современном мире
1–2 декабря 2023 г.	Практика коммуникативного поведения как объект социально-гуманитарных исследований
3–4 декабря 2023 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2023 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,197. • SJIF – 6,07
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,966 • SJIF – 6,042

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
Kama Institute of Humanities and engineering technologies
Penza State Technological University
New Bulgarian University

SOCIETY, CULTURE, PERSONALITY IN MODERN WORLD

Materials of the XII international scientific conference
on February 16–17, 2023

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 28.02.2023.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 3.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosphera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz